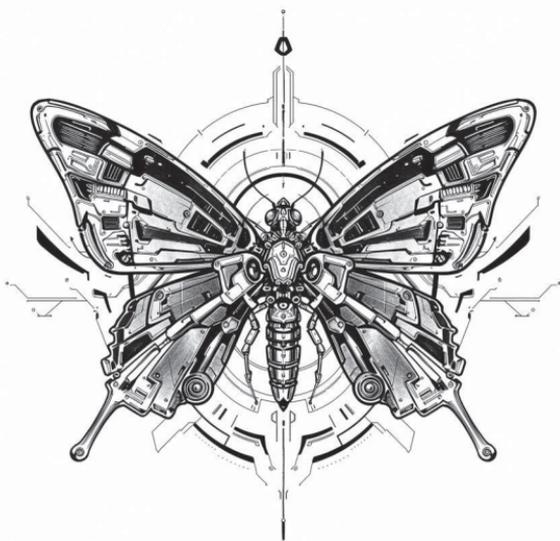

АЛИШЕР БЕКЕТ

СЭХСВЕТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б42

Алишер Бекет
СЭХСВЕТ

Любое использование материалов данной
книги, полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Дизайн переплета *Василия Половцева*

Бекет, Алишер.

Б42 Сэхсвет / Алишер Бекет. — Москва : Издательство АСТ,
2025. — 608 с. — (Nova Fiction. Игры разума).

ISBN 978-5-17-173080-2

Добро пожаловать в мир, где царят высокие технологии, болезни почти побеждены, а импланты делают жизнь комфортнее. В мир, где в образе древнего старца приходит Смерть, предлагая каждому выбор: отправиться на тот свет или исчезнуть навсегда. Для студентки Джил, слышащей голоса мёртвых, и блестящего нейрохирурга Кросса этот выбор станет только началом пути. Вскоре они узнают, что их совершенное общество держится на тайнах, касающихся новых технологий, природы смерти и будущего человечества. Что, если смерть — это не конец, а только начало?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-173080-2 © Бекет А., 2025
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2025

Посвящается Лене

ПРОЛОГ

— «Смерть обрела воплощение», — вслух прочитал Обби.

Ещё вчера надписи не было. Он провёл пальцами по кирпичной стене, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Поднёс руку почти вплотную к глазам — подушечки окрасились в белый. Свежак.

Он ещё раз осмотрел надпись — вместо первой буквы «о» неизвестный автор нарисовал стилизованное лицо Старика с сигаретой в зубах. Обби покачал головой. Он не понимал, как можно шутить над такими вещами.

Он попал в портовый район двадцатилетним пацаном. Обычная история: связался с плохой компанией в колледже, попробовал интокс. Правда всплыла, и, чтобы не подставлять свою шкуру, парни подставили шкуру Обби. Ему грозил срок, но будущий биолог решил, что лучшим вариантом будет сбежать, попутно поквитавшись с предателями. Итог — двое «друзей» в реанимации, один в коме. А Обби оказался в порту.

Первым человеком, которого он там встретил, был бродяга, предложивший составить компанию по выпивке. Сильный стресс в тандеме с паникой решили за него, и Обби согласился. Когда он очнулся после попойки, бродяга исчез, забрав все его вещи. Дальнейшая судьба определилась сама собой.

..Обби оторвался от воспоминаний, услышав какие-то звуки в переулке. Кто-то прошёл там, громынул тяжёлой крышкой контейнера и выкинул в него что-то — Обби давно научился определять такие действия на слух.

Язык заскользил по растрескавшимся, шершавым губам. Еды не было почти двое суток. Вдруг произойдёт чудо и в контейнере окажется сочный кусочек бифштекса? Обби сглотнул.

Создатель, надеюсь, там будет хоть что-то.

Обби заглянул в переулочек. Темно, как в жопе. Мрачное, грязное место меж двумя обшарпанными зданиями, куда не проникал даже тусклый свет электрического фонаря. По бокам, рядом с чёрными ходами забегаловок, стояли ящики для отходов. Некоторые были переполнены, отчего в воздухе витал отвратительный смрад. Во всем переулке не было ни души, стояла полная тишина.

Доковыляв до нужного, как он считал, мусорного бака, Обби остановился и потянул носом. Едой не пахло даже близко — всё перебивал запах тухлятины.

— Надежда умирает последней, — пробормотал Обби, залезая в контейнер.

Свалившись на гниющую кучу, бродяга принялся рыться в ней, пытаясь отыскать мифический

бифштекс. Голод затмил его сознание — он даже не подумал о том, что, будь здесь еда, она лежала бы сверху. Обби раскапывал нечистоты, ломая ногти; острые края пластиковой посуды царапали загрузившую кожу. Воня он уже не чувствовал.

Вдруг его пальцы наткнулись на что-то мягкое. Обби улыбнулся. Он рванул это что-то, опасаясь потерять добычу в грудке мусора, и внимательно рассмотрел находку. Бифштекс. Кишащий личинками.

— Сука!

Обби в сердцах лягнул пластмассовую стенку контейнера и, отбросив тухлятину, попытался выбраться наружу. Движение получилось слишком резким — в глазах тут же потемнело, и Обби упал. Лёжа на спине и подыхая от разрывающего его чувства голода, он понял, что смотрит на кусок гнилого мяса. Почему-то он уже не вызывал сильного отвращения.

А, какого хера?

Кое-как выбравшись из контейнера, Обби сел на ледяную землю, привалившись спиной к баку. Держа мясо в руках, он собирался с духом и параллельно вытаскивал личинок. Разум протестовал против того, что должно было сейчас произойти.

Чёрная полоса, убеждал себя Обби. Такое бывает с каждым. Не может быть всё время плохо. Сегодня он пересилит себя, а завтра найдёт целый бургер. О, как давно он не ел бургер!

Ну же. Просто зажми нос и представь, что ешь бургер. Создатель, что сказала бы мама, увидев меня сейчас?

— «Ты должен выжить, сынок» — вот что она сказала бы, — прошептал Обби. — «Любой ценой».

Сделал глубокий вдох, зажал нос — и вдруг понял, что в переулке он не один.

В нескольких шагах от него возник силуэт. Сначала Обби подумал, что это бродяга, услышавший возню в контейнере. Но когда человек подошёл ближе, всё стало до ужаса ясным.

Незнакомцем оказался старик лет семидесяти, облачённый в чёрную мантию, колышущуюся на ветру, которого не было. Белоснежные волосы, ниспадающие на лоб из-под капюшона, были расчёсаны и ухожены; морщинистое лицо, словно изваянное из серого камня, излучало уверенность, спокойствие и вызывало чувство благоговения. К подобным людям обычно тянутся, идут за ними.

Вот только этот — не был человеком.

— Здравствуй, Обби, — произнёс Старик. Голос не выражал никаких эмоций.

— Эм... пр... здра... — промямлил Обби. В горле встал ком, и бродяге пришлось прокашляться, прежде чем продолжить: — Кхм! Я не... кхм-кхм... как там у вас это положено... твою мать! Когда и как?

— Завтра вечером, в девятнадцать сорок одну. Пищевое отравление.

Обби посмотрел на бифштекс и отбросил его, словно тот обжёг руку.

— Но я же не съел... — прошептал он.

Старик не услышал:

— У тебя есть выбор, Обби. Ты можешь уйти со мной или умереть здесь. Подумай как следует и завтра, когда я приду, сообщи о своём решении. В твой чип уже поставлена метка компенсации.

Компенсация... Да, Обби знал, о чём речь. В таких ситуациях всем положена компенсация. Даже такому ничтожеству, как он.

— Жаль, что так вышло. Удачи, Обби.

И Старик растаял в воздухе.

Обби в нерешительности стоял у дверей «Кортала». Желудок разрывало от голода, натруженные ноги гудели, но бывшего бродягу терзал вопрос: пустят ли его, несмотря на компенсацию? Ведь от него разит помоями, да и вид не лучше — спутанная борода, драное меховое пальто, которое он спёр по случаю надвигающихся морозов у другого бродяги, босые ноги, покрытые толстой коркой грязи... Но тут дверь приоткрылась от сквозняка, и в нос ударил восхитительный аромат жареного мяса с луком. Обби отбросил сомнения и зашёл в бар.

От усилившегося запаха еды закружилась голова. Обби выбросил руки вперёд, чтобы не упасть, и упёрся во что-то мягкое. Оглушительный женский визг и мужской мат слились для него в единый звук, и Обби, не желая получить по морде в свой последний день, закричал:

— Старик! Ко мне пришёл Старик! Не трогайте меня, прошу! Старик!..

— Да мне насрать, грязный ты ублюдок! Не лапай мою тёлку! — Амбал ростом под два метра навис над Обби. — Я тебя размажу по полу, говноед!

— Я тебе не тёлка! — вспыхнула подруга здорвяка.

Обби отступил на пару шагов назад, закрывая лицо руками, готовясь к удару. Но его не последовало: упоминание Стариков всё-таки внушало толику уважения. Плюнув напоследок в лицо Обби, пьяный громила со своей «тёлкой — не тёлкой» вышли из бара.

Подошёл вышибала:

— Чё надо, морда?

— Старик, пришёл Старик... — пробормотал Обби, протягивая правую руку.

— Ты ждёшь, что я пожму её?

— Нет... там чип, компенсация... я говорю праправду. — От волнения бродяга начал запинаться.

Вышибала ухмыльнулся, но достал портативный сканер и считал информацию с ладони. Ухмылка его стала удивлённой.

— Ну надо же! Что, вытянул счастливый билет, да, вонючка? Шучу, шучу. — Он хлопнул Обби по плечу. — Ну что ж... чего сначала изволит господин? Жрать или в душ?

Обби выпрямился.

— Поесть. Мясо и какие-нибудь овощи, только немного. — Обби хорошо знал, что после голодания переедать нельзя. — Чистую, тёплую одежду. Потом душ и спать...

— Сделаем. Дуй на второй этаж, там есть спальные комнаты. Номера с десятого по пятнадцатый, выбирай любой. Душ в конце коридора. Жратву принесут минут через десять-пятнадцать.

— Спасибо... — прошептал Обби и медленно начал подниматься на второй этаж. Вслед донёся крик:

— Запачкаешь там что-нибудь — вылетишь отсюда сразу же!

Спустя пятнадцать минут Обби, сидя на корточках, осторожно жевал мясо с тушёными овощами, запивая чистой, прохладной водой. Создатель, как же вкусно! Шестнадцать лет он питался всяким дерьмом, жрал объѣдки из мусорных баков, а теперь вот дорвался. И даже мысли о том, каким образом он получил на это право, не погасили его аппетит.

Окончив ужин, Обби захотел тут же завалиться на кровать и уснуть, но вспомнил просьбу ничего тут не запацкать. Да, Обби расценил это как просьбу. Теперь он такой же, как все, пусть и ненадолго, а значит, его могут просить. Он направился в душ, где вымылся, побрился и почистил зубы. Блаженство! Старую одежду он выкинул в мусорное ведро, не желая её больше видеть, не то что надевать.

Обби вернулся в номер и обнаружил на постели свёрток. В воздухе витал терпкий аромат духов. Наверное, девушка-официантка. Безумно приятный запах, так разительно отличающийся от тех, к которым он привык. Он постоял некоторое время, приюхиваясь и наслаждаясь.

Внутри свёртка Обби нашёл комплект нижнего белья, футболку, старые спортивные штаны, тёплую вязаную водолазку и самое главное — добротные, хоть и явно ношенные зимние ботинки. И, Создатель Всемогуший, пачку крепких «Фриджис»!

Обби торопливо раскурил сигарету, пустил несколько дымовых колец и счастливо улыбнулся. Просто замечательно.

Натянув одежду на чистое тело, он рухнул на кровать — и словно оказался в куче пенопро... пороло... пролистиро... он забыл, как называются эти штуки. Такие небольшие, до охерения мягкие шарики. Мягкость и воздушность — вот два слова, которые пришли в голову.

Обби уснул, когда часы показали полночь. И не видел никаких снов.

На следующий день Обби проснулся поздно. Неторопливо позавтракав (Создатель Милостивый, каша на настоящем молоке и любимое мясо!), он отправился гулять.

Сначала он прошёл по тем местам, где провёл бóльшую часть сознательной жизни. Вот здесь он чаще всего ночевал; вот в этом мусорном баке чаще всего попадались вкусные объедки; а вот в этой подворотне... эх, дрянное дело!.. Она была совсем девчонкой. Но ведь знала же, что с ней могут сделать в таком месте?

Незаметно для самого себя Обби оказался на выходе из портового района, в пограничной зоне между гетто и той частью города, где живут достойной жизнью. Оглянувшись, он окинул взглядом узкие улицы порта, зная, что видит их в последний раз. Плевать. Он направился дальше, ни разу не обернувшись.

По мере того как день близился к завершению, Обби всё чаще посещали мысли о его жизни. Все те мелочи, которые он видел каждый день и на которые почти привык не обращать внимания, вдруг

приобрели огромное значение. Например, он вспомнил рекламное табло, на которое глядел из своего переулка каждый раз, когда просыпался. Обби мог вспомнить каждую вещь, которую там рекламировали. Мороженое. Духи. Свежий патч для лайга*, включающий в себя набор скинов и новые поправки к правилам. Опять мороженое. Как ему хотелось всё это попробовать, почувствовать...

Когда Обби уже оказался в черте города, его внимание привлекла девушка, шедшая навстречу. Судя по красной ленте на запястье — студентка сферы здоровья. И такая красивая! Обби улыбнулся ей и мог поклясться, что она подмигнула в ответ.

Глядя на удаляющуюся девушку, он вспоминал времена, когда сам был студентом, и свою красную ленту. Свои стремления, желания, мечты побывать в других городах. М-да. Не сложилось. А ведь были, были такие возможности, которые он упустил раз за разом. Так и всю жизнь упустил.

Обби гулял до темноты, пройдя через весь Дент почти до Вортена, глаза на окружающий мир, кардинально отличающийся от того, каким он привык его видеть в портовом районе. Что больше всего нравилось здесь Обби — никто не пытался оскорбить его, не выказывал презрения или неуважения. Один раз его остановил законник, поздоровался, считал метку и сочувственно хлопнул по плечу, после чего отпустил; молодая пара, с которой Обби столкнулся, заворачивая за угол, рассыпалась

* Лайг — коллекционная шахматоподобная игра в туристическом сеттинге.

перед ним в извинениях. Это и неудивительно, теперь он выглядел как они: гладко выбритый мужчина лет сорока, вышедший на вечернюю прогулку по городу, симпатичный, доброжелательный.

Ожидающий смерти.

Обби взглянул на электронное табло рекламного щита. Как быстро прошло время! Старик придёт уже совсем скоро. Сердце гулко забилося под рёбрами. Несколько минут... Обби остановился и перевёл дыхание.

Надо уйти с оживлённых улиц.

По правую руку находился небольшой парк — несколько деревьев, кустарник по периметру. Место тихое и вроде как безлюдное. То что надо.

Обби перебежал дорогу и спрятался в тени деревьев. По привычке хотел опуститься прямо на землю, но заметил резную деревянную скамью. Подходящее место.

Только теперь Обби понял, что не хочет умирать, особенно после того, как вкусил давно забытой, настоящей жизни. Будь он чуть умнее, смог бы прожить её вот так: вкусно есть, по вечерам выбираться на прогулки по городу... У него были бы друзья, с которыми он выпивал бы по выходным и играл бы в лайг. Была бы женщина, которая бы его любила.

Старик вышел из густой темноты парка. Не дрогнул ни один листик под его ногами, когда он подошёл.

— Привет, Обби.

Он дёрнулся, как от удара.

— Да... я... уже пора?

— Что ты решил?

Обби всхлипнул.

— Если я решу... остаться — это будет больно?

— Индивидуально. Но, как правило, всё проходит спокойно.

— А если уйду с тобой?

— Абсолютно безболезненно.

Обби ещё немного помолчал, обдумывая слова Старика. Тот просто стоял и смотрел невидящим взглядом. Обби сказал:

— Тогда я... уйду. Только не прямо сейчас. У меня же ещё есть время?

Старик не ответил.

— Страшно, — сказал Обби. — Мне очень страшно.

Молчание.

— Можешь спеть мне? — неожиданно для самого себя попросил Обби. — Я помню, как в детстве мама пела мне песню. Я не знаю, как она называется, но там поётся как-то так...

Обби начал напевать мелодию без слов. Голос дрожал, из глаз покатались слёзы. Песня оборвалась посреди ноты.

И Старик, и Обби исчезли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТАРИКИ

Всё пожирается смертью; ведь гибель —
закон, а не кара.

*Луций Анней Сенека**

* Перевод М. Грабарь-Пассек.